

A red Ferrari Formula 1 car is shown from a front-three-quarter view on a racetrack. The car features prominent Shell and Pirelli branding. In the background, a large grandstand filled with spectators is visible under a cloudy sky. A red safety barrier with the word 'PIRELLI' repeated in white is positioned behind the car.

Ominayashi

**Дорога,
которая
всегда
возвращается**

Ominayashi Ominayashi

Дорога, которая всегда возвращается

<https://litres.ru/74514427>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Дорога, которая всегда возвращается» — история о возвращении к жизни, любви и скорости, разворачивающаяся в залитой солнцем Барселоне.

Молодой гонщик Люис Карранза, переживший страшную аварию, полгода живёт в хромоте и тоске, пока к нему не приходит физиотерапевт Энжела Моранте — единственная, кто не верит в его маску «я в порядке». Она лечит не только ногу, но и страх: заставляет надеть разбитый шлем, пройти по треку пешком, признать слабость вслух. Друзья-пилоты Маркос и Карлос, сначала умолявшие не возвращаться в гонки, становятся его щитом на трассе. Выиграв решающую гонку сезона на домашнем треке в Монтмело, Люис понимает: победа — это не кубок, а человек, который вышил тебе ленту на удачу и ждал у экрана, не дыша.

Рассказ — о том, что дорога, которая всегда возвращается, ведёт не на трек, а к тем, ради кого стоит туда возвращаться.

Ominayashi

Дорога, которая всегда возвращается

Дорога, которая всегда возвращается

Глава 1. Город, который пахнет морем и бензином

Барселона в сентябре — это как старое вино, которое забыли убрать в погреб. Оно стоит на солнце, нагревается, и от него идёт сладковатый, чуть терпкий запах, от которого кружится голова. Город не спит, он и не думает спать, он лежит собой на берегу моря, раскинув руки — бульвары, переулки, набережные — и дышит. Дышит всем, чем может: тёплым ветром с Тибидабо, чесноком и шафраном из бесконечных кухонь, выхлопом мотоциклов, которые нитятся по Рамбле, как муравьи по краю сахарницы. И ещё бензином. Всегда бензином. Для меня этот запах давно перестал быть просто запахом — он стал чем-то вроде второго пульса.

Меня зовут Льюис. Льюис Карранза. Три года назад я был тем, про кого писали «лучший молодой талант десятилетия». Два года назад я был тем, про кого писали «чудом выжил». Год назад я был тем, про кого перестали писать.

А сейчас я сижу на балконе квартиры в Готическом квартале, пью остывший кофе и смотрю, как солнце ползёт по

стенам собора, высвечивая каменные горгулий, — и жду. Жду, потому что сегодня мне обещали нового физиотерапевта. Третью за полгода. Первые две ушли: одна — потому что я был, как мне деликатно сказали, «сложным пациентом», вторая — потому что ей предложили работу в клинике в Цюрихе, и она предпочла швейцарскую пунктуальность моей каталонской тоске.

Третья должна прийти в полдень. На часах без пяти. Я допиваю кофе, который уже на вкус как разочарование — просто горький, остывший, никому не нужный, как я сам в этот момент.

На улице внизу играет гитара. Кто-то исполняет бакалу — печальную, тягучую, с тем особым фламенковым надрывом, когда кажется, что гитара не играет, а плачет, и плачет не от горя, а от того, что слишком долго держала всё в себе. Я слушаю и думаю: вот, собор Санта-Мария-дель-Пи стоит тут с XIV века, и ничего, не жалуется. А я не могу прожить без одного соревнования сезона. Впрочем, собор тоже не разбивал машину на сто девяноста километрах в час в «Лоу-Хеер».

Дверной звонок. Два коротких, один длинный. Так звонят те, кто уверен, что их ждут.

Я открываю.

И вот тут, в тёмном коридоре барселонской квартиры, где от мокрых стен пахнет извешткой и чьей-то чужой готовкой, стоит женщина, которая изменит всё. Хотя я, разумеется, этого ещё не знаю. Знаешь ты только потом, когда оглядыва-

ешься, и тогда становится ясно: вот с этой секунды всё пошло иначе.

Она невысокая. Тёмные волосы собраны в хвост, но несколько прядей — непослушных, как все пряди в этом городе, где влажность не даёт волосам покоя — выбились и обрамляют лицо. Лицо... ну, скажем так: не красивое и не некрасивое, а живое. Подвижное, как вода. Глаза — карие, с такой золотистой крапункой, которую замечаешь, только если солнце попадает под нужным углом, как сейчас, из окна лестничной площадки.

— Льюис Карранза? — говорит она. — Энжела Моранте. Я ваш новый физиотерапевт. Могу войти?

Голос ровный, спокойный. Ни капли того смятения, которое я привык видеть у специалистов, когда они впервые видят мои шрамы. Она ещё не видела шрамов, конечно. Но она не выглядела и так, будто готовится их увидеть. Она выглядела так, будто пришла домой.

— Можете, — говорю я и отступаю в сторону.

Она входит, и квартира сразу становится меньше. Или нет — она становится как-то плотнее, что ли. Будто до неё тут было слишком много воздуха, а теперь воздух уравновесился.

Энжела ставит сумку на стол — большую, профессиональную, с какими-то ремешками и застёжками, — оглядывается и говорит:

— Красиво. Кто декоратор?

— Квартира не моя. Арендую.

— Я не про квартиру. Я про свет. Свет тут красивый.

И она права. Свет в Готическом квартале — особый. Он пробирается через узкие ущелья улиц, отражается от стен цвета топлёного молока, от выцветшей охры и тёмной терракоты, и к тому моменту, когда добирается до окна, становится мягким, рассеянным, как будто устал по дороге и решил не давить, а просто быть. В таком свете даже я выгляжу не так плохо. Хотя выгляжу я, прямо скажем, неважно.

Левая нога — вот главная проблема. Четыре операции, восемь месяцев в кресле, полгода на костылях, и теперь — вот. Хожу. Почти. Иногда хромаю, но так, чтобы заметить, нужно смотреть, а я давно научился не давать никому смотреть слишком внимательно.

— Ну, — говорю я, — давайте начнём. Только сразу: я не люблю, когда больно.

— Все не любят, когда больно, — отвечает Энжела, открывая сумку. — Но больно будет.

И улыбается. Не мне — какому-то своему внутреннему человеку, который знает что-то, чего я ещё не знаю.

Глава 2. Больно

Первый сеанс длится сорок минут и ощущается как сорок лет.

Энжела работает молча, методично, с тем спокойным профессионализмом, который меня бесит. Я хочу, чтобы она

сказала что-нибудь — «какая сильная травма» или «вы молодец, что так далеко продвинулись» — любую из тех банальностей, которые говорят специалисты, чтобы тебе стало теплее. Она молчит. Её пальцы находят узлы в мышцах бедра, давят, и я кусаю губу, чтобы не заорать.

— Дышите, — говорит она наконец. Не «не напрягайтесь», не «расслабьтесь» — просто «дышите». И я с удивлением обнаруживаю, что не дышал. Не дышал, наверное, минуту.

Дышу. Боль не уходит, но становится... другой. Не острой, а глубокой, как будто кто-то открыл дверь в комнату, которая была заперта давно, и из неё пахнуло чем-то тяжёлым, старым, но не вонючим — просто сильным.

— Скажите, — говорит она, когда сеанс заканчивается и я лежу на кушетке, мокрый от пота, с лицом цвета мокрого асфальта, — вы хотите вернуться?

— К гонкам?

— Нет, к балету. Да, к гонкам.

— Конечно, хочу.

— «Конечно» — это не ответ. «Хочу» — это ответ. Вы сказали «конечно». «Конечно» — это когда вы убеждаете себя. «Хочу» — это когда вы знаете.

Я молчу. Она собирает вещи.

— Завтра в десять, — говорит она и уходит.

И я остаюсь один с ноющей ногой и ощущением, что меня увидели. Не шрамы — меня.

Следующие две недели — это ад и чистилище одновременно. Ад — потому что Энжела работает безжалостно. Каждое утро в десять она звонит в дверь, входит, и начинается: растяжка, массаж, упражнения на баланс, упражнения на силу, упражнения на координацию, которые выглядят так, будто меня заставляют танцевать, хотя я не умею танцевать и не хочу. Нога ноет, потом горит, потом перестает чувствоваться, и я не уверен, что это лучше.

Чистилище — потому что я не могу её обмануть.

С первыми двумя физиотерапевтами я играл в ту игру, которую все гонщики знают: «я в порядке». Ты улыбаешься, шутишь, говоришь «вот-вот начну тренироваться на трек», и они верят, потому что хотят верить, потому что лечить здорового — проще, чем лечить раненого. Энжела не верит. Она смотрит на меня, и в её глазах нет ни жалости, ни веры, ни неверия — только внимание. Как у хирурга. Или как у кошки.

— Вы правую ногу щадите, — говорит она на третий день.

— Нет.

— Да. Вы переносите вес на правую, когда думаете, что я не смотрю. Я всегда смотрю.

— Я не щажу. Я просто...

— Вы щадите. Это нормально. Но мы так не договоримся. Договоримся?

— О чём?

— О том, что вы не будете врать мне. Я не судья, я не фа-

нат, я не журналист. Мне можно быть слабым. Тут. Со мной. Вне этих стен — сколько угодно играйте героя. Тут — нет.

Она говорит это спокойно, без нажима, и уходит на кухню — поставить чайник. Кухня у меня маленькая, с окном, из которого виден кусочек улицы Феррана и верхушку пальмы, которая почему-то растёт во внутреннем дворе и каждый день машет мне листьями, как будто подбадривает. Энжела ставит чайник, достаёт из шкафчика — из моего шкафчика! — ромашковый чай и говорит через плечо:

— Вам тоже налить?

И вот в этот момент — когда она стоит на моей кухне, в моём халате поверх футболки, с выбившимися волосами, и спрашивает, хочу ли я ромашкового чая, — в этот момент что-то во мне ломается. Не нога — та уже сломана и собрана заново. Что-то другое. Стена, которую я строил шесть месяцев: я в порядке, я вернусь, я сильный, мне не нужна помощь. Стена даёт трещину, и через трещину просачивается свет — не барселонский, рассеянный, а какой-то свой, внутренний, тёплый, стыдный.

— Налейте, — говорю я. И добавляю, потому что не могу не добавить: — Только без сахара. Я не люблю сладкое.

— Я знаю, — говорит она. — Я читала ваше досье.

— Там не может быть написано, что я не люблю сладкое.

— Нет. Там написано, что у вас аллергия на ложь. Я сама догадалась про сахар.

Она смеётся. Тихо, коротко, как будто не хочет, чтобы я

слышал, но я слышу. И трещина в стене становится шире.

Глава 3. Трек и друзья

Через месяц Энжела разрешает мне поехать на трек. Не гонять — просто посмотреть. Просто быть рядом с машинами, с асфальтом, с бензином, с тем миром, без которого я уже не помню, как жить.

Мы едем на Circuit de Barcelona-Catalunya в Монтмело — это к северу от города, полчаса по трассе, если не торопиться, а я не тороплюсь, потому что Энжела сидит рядом и говорит, что если я начну нервничать, у меня забьётся спина и завтрашний сеанс пойдёт насмарку.

Трек — это целый мир. Миру всё равно, что ты тут недавно или что ты тут давно. Он просто есть: асфальт, трибуны, бокс-гараж, инженерная зона, стартовая прямая, повороты — от первого до последнего, и каждый поворот — отдельная история. Circuit de Barcelona-Catalunya — не самый эффектный трек в календаре, но он честный. Его не обманешь. Если машина не настроена — он тебя накажет. Если ты не готов — он тебя накажет. Если ты врёшь себе — он выведет тебя на чистую воду. В этом смысле трек и Энжела — близкие родственники.

В боксе меня встречает Маркос. Маркос Дельгадо — мой друг, мой сосед по команде, человек, который таскал меня из горящей машины, когда все думали, что я уже мёртв. Он большой, шумный, с руками, как ковши экскаватора, и сме-

хом, который слышно за три гаража.

— Льюис! — орёт он, и его голос перекрывает гул компрессоров и визг шин из тест-зоны. — Ты приехал! Ты реально приехал! Эй, все, Льюис приехал!

Из соседнего гаража высовывается Карлос Вера — второй из нашей троицы. Карлос худой, нервный, говорит быстро и всегда смотрит на тебя чуть искоса, как будто думает о чём-то одновременно с разговором. Мы трое — мы вместе с картинга, с тех времён, когда гонки были не работой, а чистым сумасшествием, когда ты садился в тележку и летел с горы, и не было ни денег, ни славы, ни страха — только ветер и скорость.

Маркос обнимает меня так, что хрустит что-то в позвоночнике. Карлос жмёт руку, но смотрит на ногу. Они оба смотрят на ногу, хотя делают вид, что нет.

— Ну как ты? — спрашивает Маркос.

— Отлично, — говорю я.

— Врёшь, — говорит Карлос.

— Нет.

— Врёшь. Я знаю, как ты выглядишь, когда врёшь. У тебя правая бровь поднимается.

Я машинально опускаю бровь. Они оба смеются. И вот тут, в гараже, который пахнет резиной, маслом и горячим асфальтом, я чувствую себя дома впервые за год.

Энжела стоит у входа в бокс, скрестив руки, и наблюдает. Она не вмешивается. Она смотрит, как я разговариваю

с друзьями, как хожу между машинами — медленно, осторожно, но без трости (трость я бросил три недели назад, и Энжела сказала «наконец-то», и это было единственное её эмоциональное высказывание за весь месяц). Она смотрит, как я кладу руку на капот болида — на прохладный углепластик, — и как моё лицо меняется. Я не замечаю, что оно меняется, но Энжела замечает.

Позже, в машине, по дороге назад, она скажет:

— Я видела, как вы смотрели на машину. Вы смотрели на неё так, как люди смотрят на того, кого любят.

— Это просто машина.

— Нет. Это не просто машина. И вы это знаете. И это хорошо.

Барселона за окном машины — золотая от заката. Мы едем по AP-7, и солнце висит над холмами, над оливковыми рощами, над красной черепицей фермерских домов, и вся долина кажется нарисованной акварелью, и краски текут, и небо переливается из жёлтого в розовый, из розового в лиловый, из лилового в тот глубокий синий, который бывает только в Каталонии и только в сентябре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.